

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 80–93.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 4. P. 80–93.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-80-93

«РУССКИЙ ВИЗАНТИЕЦ» КАК ГЕРМАНОФИЛ (НЕМЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И В ЖИЗНИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА)

Ольга Леонидовна Фетисенко

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия, betsy98@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

 Аннотация. Цель статьи — показать одного из главных представителей русской консервативной мысли, К. Н. Леонтьева (1831–1891), в непривычном ракурсе, отчасти объясняющем суть его отличий от московских славянофилов. Внимательное чтение его публицистики, художественных и мемуарно-автобиографических произведений, писем, знакомство с его биографией позволяют заметить у писателя глубокий интерес к немецкой культуре, знакомство с научной мыслью Германии (от медицинских учебников, по которым он занимался в Московском университете, до «Философии бессознательного» Э. фон Гартмана и «Капитала» К. Маркса), а также неподдельную симпатию к лучшим свойствам немецкого национального характера (надежности, пунктуальности, собранности и т. п.), которые он хотел бы привить своим соотечественникам. Затрагивается тема германофильства Леонтьева как политического мыслителя, указывается на его необычную позицию в остзейском вопросе и его скрытую полемику с Ю. Ф. Самариным. Современную ему Германию Ле-

© Фетисенко О. Л., 2021

онтьев далеко не идеализировал, считая, что она превратилась в страну без великой идеи, сделав своей задачей «преобладание для преобладания». Особое внимание уделяется отношению Леонтьева к «железному канцлеру»: он находил Бисмарка гениальным политиком и персоной, достойной быть воспетой в стихах, но тем не менее не способным спасти свое отечество от грядущих катастроф. В заключение дается обзор всех случаев, когда немцы становились героями повестей и романов Леонтьева или «предметом обсуждения» персонажей этих произведений (от его первой повести «Немцы» до романов «Египетский голубь» и «Две избранницы»).

Ключевые слова: творчество К. Н. Леонтьева, немецкий национальный характер, культура, биография, круг чтения, история, О. фон Бисмарк

Ссылка для цитирования: Фетисенко О. Л. «Русский византиец» как германофил (Немцы в творчестве и в жизни К. Н. Леонтьева) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 80–93.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-4-80-93>.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

“RUSSIAN BYZANTINE” AS A “GERMANOPHILE”
(GERMANS IN THE WORK AND IN THE LIFE OF K. N. LEONT’EV)

Olga L. Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia,
betsy98@mail.ru, <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

Abstract. The purpose of the article is to show in an unusual perspective one of the main representatives of Russian conservative thought, K. N. Leont’ev (1831–1891). A careful study of his heritage and biography leads to the conclusion about his deep interest in German culture, scientific thought in Germany and sympathy for the German national character (he wanted to instill the best qualities of this nation in his compatriots). Leont’ev also displays “Germanophilism” as a political thinker. This is especially noticeable in his attitude to Bismarck and in his position on “the Ostsee question” (the article points to his hidden polemic with Yu. F. Samarin). At the same time, Leont’ev did not idealize modern Germany, he

called it a country without “a great idea”. The article concludes with an overview of all the cases when the Germans became heroes of Leont’ev’s stories and novels or the “subject of discussion” of the characters in these works.

Keywords: K. N. Leont’ev’s work, German national character, culture, biography, reading circle, history, O. von Bismarck

For citation: Fetisenko, O.L. (2021) “Russian Byzantine” as a “Germanophile” (Germans in the Work and in the Life of K. N. Leont’ev), *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(4), pp. 80–93. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-80-93.

«**Н**е была ли Ваша матушка немка?»; «Никогда не догадался я спросить: мать Ваша не была ли немка? А priori — думаю, что немка...» [Леонтьев, 2000–2021, т. 12, кн. 1, с. 426; кн. 3, с. 88] — дважды спрашивал Константин Леонтьев Третия Филиппова и ошибся: его друг и благодетель, государственный контролер и известный церковно-общественный деятель был сыном русской старообрядки. Но важно, что в самих этих вопросах звучит очень большая симпатия к тем свойствам характера, которые традиционно ассоциируются с немецким происхождением, — аккуратности, собранности, трудолюбию. Наиболее известный «русский немец» (или «православный немец», как Леонтьев называл его) в окружении «славянофила на свой салтык» — это, конечно, сын лютеранского суперинтендента, кандидат Московского университета оптинский иеромонах Климент (Зедергольм; 1830–1878), духовная биография которого передана Леонтьевым в посвященной ему книге¹. Они познакомились в августе 1874 года, общались и переписывались до самой кончины о. Климента в апреле 1878 года. В память о нем Леонтьев в 1891 году при монашеском постриге примет то же имя св. Климента Римского. В последние годы жизни его младшим другом был другой симпатичный «православный немец», Иосиф Фудель (1864/1865–1918), в 1889 году не без содействия Леонтьева ставший священником [см.: Фетисенко, 2012, с. 608–650]. В отзывах о нем третьих лиц то и дело звучали похвалы тем свойствам, которые Леонтьев приписывал именно немецкому началу, — твердости, надежности, пунктуальности.

---

¹ Впервые под названием «Отец Климент» она была помещена в 1879 году в «Русском вестнике» (№ 11, 12); отдельные издания: «Православный немец, Отец Климент Зедергольм» (Варшава, 1880); «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни» (Москва, 1882).

В письмах Леонтьева можно встретить сходные высказывания, уже не связанные с конкретными лицами. «Точность и выдержка идеи — почти единственная черта, которую я уважаю в “современной” Европе» [Леонтьев, 2000–2021, т. 12, кн. 2, с. 99] (письмо к К. А. Губастову, от 1 июля 1888 года); «Иное дело: разложение культуры европейской <...>. И другое дело физиологические племенные и личные свойства европейцев, которые несомненно выше наших (увы!)» [там же, с. 492] (письмо к К. А. Губастову, от 3 августа 1890 года). Своих молодых последователей он призывал подражать именно этим лучшим из европейских свойств.

Все это открывает нам в Леонтьеве, вошедшем в историю нашей культуры как поборник «византизма» и поклонник всего восточного, большого «германофила», и, конечно, тут можно говорить не только об эмоционально-бытовых симпатиях². Так, например, Леонтьев находил, что «наша умеренность и здравый смысл в делах Государственно-гражданских напоминают <...> дух англо-саксонских и германских народностей» [там же, т. 11, кн. 1, с. 280] (письмо к Н. Н. Страхову от 12 марта 1870 года). Бросается в глаза глубокий интерес Леонтьева к Отто фон Бисмарку, которого — наряду с императором Вильгельмом I и графом Мольке — он считал «величавым образом» «не от нынешнего мира» [там же, т. 7, кн. 2, с. 52]. После их ухода в Германии «будет непременно все то же, что и везде на Западе» [там же, т. 8, кн. 1, с. 254]: «Умри завтра Бисмарк, я бы воскликнул: “погибла Германия!”» [там же, с. 536].

Когда в газете «Гражданин», где сотрудничал и сам Леонтьев, были напечатаны вирши неизвестного автора, обличающие рейхсканцлера («Надпись под идолом»), где были, например, такие строки:

² В. К. Кантор справедливо противопоставляет Леонтьева в этом отношении «германофилам» Л. Н. Толстому и Н. Я. Данилевскому, отмечая также ориентированность мыслителя на немецкую эстетику [Кантор, 2011, с. 356].

Константин Николаевич Леонтьев. 1867
Konstantin Nikolaevich Leontiev, 1867

Кончая путь, у двери гроба
Стоишь ты, гордый человек;
Насилье, ложь, коварство, злоба —
Вот все, чем твой отмечен век.
Пятою грубою солдата
Ты пламень мысли растоптал,
В оковы бранного булата
Народный гений заковал.

[Цит. по: там же, т. 12, кн. 1, с. 718],

Константин Николаевич стал настойчиво советовать одному из своих учеников, филологу и поэту Анатолию Александрову, в ответ на эту зарифмованную инвективу воспеть германского политика в стихах лучшего качества, поясняя: «Ведь в этом человеке столько поэзии...» [там же, с. 429]³. В жизни Бисмарка Леонтьев находил «то самое что нужно — т. е. развитие личности; — упадок и принижение которой вредно и для политики, и для поэзии одинаково» [там же, с. 430].

Но если отзывы о самом «железном канцлере» всегда у Леонтьева положительны (неоднократно он просто называл его «гениальным» [см., например: там же, т. 8, кн. 1, с. 81; кн. 2, с. 9]), то этого не скажешь о его оценке эпохи Бисмарка (здесь уже действуют другие законы наблюдаемого философом «процесса развития»):

После 30-летнего религиозного междоусобия в Германии явились Фридрих II, Гёте, Шиллер, Гумбольдт и т.д., а после ничтожной и даже смешной борьбы 48 года, — Бюхнеры, Бюхнеры и Бюхнеры! <...> Что касается до гениального Бисмарка, еще неизвестно, что он такое для Германии, действительный ли возродитель, или одно из тех шумных и блестящих лиц, которые являются всегда у

---

³ Приведем весь фрагмент, поясняющий, в чем же писатель находил «эстетику жизни» (его любимое выражение) Бисмарка: «Ведь в этом человеке столько поэзии; его физическая сила, его рост; его внешний вид; — его жестокость и его милая иногда светская любезность; его шрам на щеке, след студенческой дуэли на эспадронах <...>. Как он разбил кружку об голову либерала, который грубо бранил Правительство; как он в Палате вызвал Профессора Вирхова на дуэль, за какую-то парламентскую дерзость (тот — на попятный двор). — И при этом он хороший охотник; он любит читать Евангелие, а иногда французские романы; ходит за грибами [так]; и умеет, кажется, солить их (в России учился), лучше многих из нас и Россию понимает. И называет все по имени: прямо говорит в Рейхстаге, что не было великих дел без огня и железа. — Остряк; пьет много пива; сам обезоружил студента, который в 60-х годах стрелял в него; взял дурака за шиворот и отвел в полицию...» [Леонтьев, 2000–2021, т. 12, кн. 1, с. 429–430].

народов накануне их падения, чтобы собрать воедино и израсходовать навсегда все последние запасные силы общества. Мне кажется, вопрос может быть спорным только на какую-нибудь четверть века, т.е., можно спрашивать себя, что такое эпоха Бисмарка? Эпоха Наполеона I или Наполеона III? *Последнее, я думаю, вернее.*

[Там же, т. 7, кн. 1, с. 327]

Эти строки из книги «Византизм и Славянство» (1871–1874) написаны как раз вскоре после падения Франции наполеонидов. Значительно позже (1887), в статье «Судьба Бисмарка и недомолвки Каткова» Леонтьев скажет афористично: «...великие люди лично творят великие дела, но от своевременной гибели отечества не спасают» [там же, т. 8, кн. 1, с. 280].

Известна позиция Леонтьева в остзейском вопросе. В отличие от Ю. Ф. Самарина он отстаивал в 1882 году на страницах газеты «Гражданин» правовые привилегии остзейских баронов на основании... большей, по сравнению с коренным прибалтийским населением, культурно-исторической значимости немецкого дворянства: «Имена немецкой аристократии связаны с военным и политическим величием Православной России; а эсто-латышское движение ни с чем; разве с либеральной модой» [там же, с. 38]. Со свойственным ему эпатажем Леонтьев заявлял, что ему вовсе не нужно «внимательно изучать» учреждения Остзейского края (прямая отсылка к трудам Самарина), «чтобы усомниться не только в пользе эсто-латышской демократизации (т.е. в пользе предпочтения протестантов плохих и непородистых протестантам блестящим и породистым), — но даже и в пользе “русификации”» [там же, с. 39]. «Все эти Мантейфели, Бреверны де ла Гарди, Шау фон Шауфуссы — образы и величины определенные и значительные. А что такое эсты? К чему эта племенная демократизация? Пусть их не слишком теснят, и довольно!» [там же, с. 41]⁴.

Леонтьев не был бы Леонтьевым, если бы не сделал еще один шаг, вспомнив о своих идеях сословной иерархии. В «Отрывке из письма об остзейском крае» (так называлась процитированная выше статья в «Гражданине») он призвал отделить в остзейском вопросе дворянство от бюргерства и поддерживать только первое: «Привилегиями и уважением мы баронов всегда отклоним от

⁴ Бреверны, возможно, упомянуты здесь не случайно. В 1882 году известная общественная деятельница и публицистка О. А. Новикова познакомила Леонтьева с графом Александром Ивановичем Бреверн де ла Гарди (1814–1890) и его женой Марией Александровной (урожд. Воейковой; 1826–1906), происходившей из семьи, тесно связанной с В. А. Жуковским: она была дочерью А. Ф. Воейкова и А. А. Воейковой (урожд. Протасовой).

Германии; а бургеров — едва ли. Тут еще эсты, пожалуй, что-нибудь и значат... может быть...» [там же].

Если снова обратиться к области психологических симпатий и антипатий, надо сказать, что было в немецком характере качество, над которым Леонтьев, особенно до своего религиозного обращения, подсмеивался: это «немецкий фамилизм» (семейственность). Леонтьев заявлял о своей несхожести со славянофилами и в этом пункте (ср. в письме к Страхову от 12 марта 1870 года: «Славянофилы московские (которых я, однако, высоко чту) с своей немецкой нравственностью скорее рисовали себе свой собственный идеал русского человека, чем снимали с него идеализированный портрет» [там же, т. 11, кн. 1, с. 280–281]). Но даже и в написанных уже после обращения «Афонских письмах» (1872) встречаем: «...вспомнишь своего знакомого Карла Иваныча, которому Марья Ивановна готовит к именинам вязаный или вышитый по канве сюрприз» [там же, т. 7, кн. 1, с. 135]. Представление о семейственности и добродетельности немцев (ср. в романе «Две избранницы»: «Он не немец; неужели он до сих пор влюблен в нее?» (то есть в свою жену) [там же, т. 5, с. 120]), впрочем, несколько корректируется характеристикой семьи Зедергольмов в книге «Отец Климент Зедергольм»: «сухая немецкая семья» [там же, т. 6, кн. 1, с. 254], что, конечно, не отменяет констатации добродетельности.

«Леонтьев о Германии», «Леонтьев и “русские немцы”», «Леонтьев и остзейский вопрос», «Леонтьев и немецкий романтизм», «Леонтьев и немецкая философия/социология», «Леонтьев о прусском милитаризме» (ряд, конечно, может быть и продолжен) — самостоятельные, большие и еще лишь едва намеченные темы. Только одна из них уже становилась предметом научного исследования. Статья С. В. Хатунцева «К. Н. Леонтьев о Германии и ее правителях» [Хатунцев, 2014] была основана на публицистических произведениях и отчасти письмах Леонтьева, и, разумеется, немало место было отведено там подбору высказываний (неизбежно неполному) Леонтьева о Бисмарке. Затрагивая другие сюжеты, уже не обойтись без привлечения художественной и мемуарно-автобиографической прозы Леонтьева, которая известна в гораздо меньшей степени, чем его публицистика. Взять хотя бы тему «русско-немецких встреч» (в широком смысле слова) в жизни нашего героя.

«Классического» немца-гувернера, подобного описанному в «Детстве» Л. Н. Толстого, у Леонтьева не было (с немцами-педагогами он встретится в Калужской гимназии), но, несомненно, уже в детстве он слышал от матери красочные рассказы (нашедшие отражение и в ее записках, и в дневнике бабушки) о пленном немце Карле Занфте, наполеоновском солдате, осевшем в

Смоленске, женившемся на вольноотпущенной крестьянке его деда П. М. Карабанова и ставшем аптекарем⁵.

В ранней юности Леонтьев, как за десять лет до этого Достоевский, пережил увлечение Шиллером — в переводах Жуковского и в оригинале. Романтический настрой сохранится в нем надолго (ср. в романе «Египетский голубь»: «С одной и только с одной этой стороны я был “европеец”. Я обожал все оттенки романтизма: от самого чистого аскетического романтизма Тогенбурга⁶ <...> и до того тонкого и облагороженного обоготворения изящной плоти, которой культом так проникнуты стихи Гёте, Альфреда де Мюссе, Пушкина и Фета» [Леонтьев, 2000–2021, т. 5, с. 230]).

По многочисленным цитатам в повестях можно судить, что Леонтьев хорошо знал поэзию Гёте, который учил его «быть счастливым»⁷. «Благородная бесцветность» [там же, т. 11, кн. 1, с. 281] «Вертера» стала для него образцом литературного стиля⁸. При этом в конце жизни в одном из писем к Т. И. Филиппову (1886) Леонтьев скажет о ненависти к немецкому поэту как к развратителю души: «...от него заразились и все наши поэты и мыслители, на чтении которых я имел горькое несчастье воспитаться и которые и в жизни меня столько руководили!» [там же, т. 12, кн. 1, с. 203]. С другой стороны, несколько позже о И. Фуделю он писал о Байроне и Гёте как о поэтах, которые «путем психических *антитез*» могут привести к христианству [там же, кн. 2, с. 439].

Но Леонтьеву была знакома не только поэзия (в широком смысле слова), но и проза, причем научная. В Московском университете он учился медицине по немецким и французским руководствам и, на ходу доучиваясь в Крыму, уже будучи военным лекарем, продолжал штудировать Канштатта и Вундерлиха⁹.

⁵ См.: Архив К. Н. Леонтьева, 2020; Дневник А. Е. Карабановой, 2020 — по указателям.

⁶ Подразумевается известная баллада Шиллера.

⁷ Наделенный множеством автобиографических черт генерал Матвеев, герой романа «Две избранницы», внушает себе: «Надо быть “мудрым”... Надо вести себя и при страстном состоянии так, чтобы после не потерять к самому себе уважения... Мне необходимо, чтобы я был доволен собой... Вот Гёте — вечный всем и великий пример... Умел и увлекаться, и обуздывать себя, не теряя никогда из вида главных целей своих. Надо уметь быть счастливым! Вот в чем мудрость. Не все это умеют» [там же, т. 5, с. 161].

⁸ См. также: [там же, т. 6, кн. 1, с. 127]. О «бледности» как стилевом принципе Леонтьева см.: [Котельников, 2017, с. 182–185].

⁹ Карл-Фридрих Канштатт (1807–1850) — немецкий врач и физиолог, директор клиники в Эрлангене (с 1843), автор четырехтомного труда “Die spezielle Pathologie und Therapie vom klinischen Standpunkte” («Специальная патология и терапия с клинической точки зрения»; 1841–1842). Карл-Рейнгольд-Август Вундерлих (1815–1877) — немецкий врач-терапевт, один из основоположников физиологического направления в медицине, автор трехтомного руководства по патологии и терапии (Handbuch der Pathologie und Therapie. Stuttgart, 1846–1854).

Кстати, в крымских военных госпиталях Леонтьев видел пруссаков, поступивших на русскую военную службу: «...приехали к нам служить и лечить в действующую армию» [там же, т. 6, кн. 1, с. 662]. С одним таким доктором (Бутлером) он приятельствовал в крепости Ени-Кале, гулял с ним в свободные минуты по берегу моря. Бутлер потом попал в плен, но скоро освободился и еще раз встретился Леонтьеву, который позднее описал его в очерке «Сдача Керчи в 55 году» (1887). Симпатичен ему был, судя по письмам к матери, и русский немец — керченский дивизионный лекарь Бауман.

Уже в 1850-е годы Леонтьев читает обоих Гумбольдтов, Александра и Вильгельма, позднее — Канта, Лейбница, Гегеля, Шеллинга. Затем у него возникает серьезный интерес к немецкой социологии и в частности к «западному славянофилу» (как его иногда у нас называли, кажется, с подачи Ю. Ф. Самарина), к Вильгельму-Генриху Риллю и его труду «Land und Leute» («Страна и люди»), который он прочел не позднее начала 1860-х (первое упоминание встречается в созданной в 1865 году «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии», а затем и в «Византизме и Славянстве»). В книге «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» была задумана целая глава об этом мыслителе (она лишь начата и не разработана в достаточной степени). Позднейшие упоминания Леонтьева о Риле относятся уже к 1891 году. От Роберта фон Моля — в отличие от книг Рилля его труды Леонтьев, скорее всего, знал лишь по их рецепции в России — он возьмет учение о «реальных силах».

В 1870-е годы русское образованное общество переживает сильное увлечение Эдуардом фон Гартманом и Артуром Шопенгауэром. Обоих, особенно Гартмана, Леонтьев не раз будет цитировать. Им даже был начат роман «Пессимист», главный герой которого как раз и должен был руководствоваться гартмановской философией¹⁰.

В 1880-е годы Леонтьев, разрабатывая собственную концепцию охранительного социализма, изучает в том числе и немецкий социализм. Его друг Губастов, служивший в Вене, присылал ему по дипломатическим каналам запрещенные в России издания. Леонтьев пытается даже читать Маркса («...я с ним несколько знаком», — сообщает он Губастову [там же, т. 12, кн. 2, с. 290]; Лассаль кажется ему скучным и тяжеловесным: «Я ожидал встретить легкое, блестящее и доступное изложение, что-то вроде Герцена, и вдруг увидел на первых страницах такую “сурьезность” да еще на немецк<ом> яз<ыке>, что испугался и до сих пор оба тома стоят на полке, разрезанные <...> но не читанные» [там же]. По упоминанию в том же письме ясно, что он читал М. Нордау как по-немецки,

¹⁰ См. об этом подробнее: [Фетисенко, 2016; 2018].

так и во французском переводе, а в последние годы жизни, как выяснилось, успел в какой-то мере познакомиться и с Ницше [см.: Фетисенко, 2012, с. 686].

Интерес к немецким характерам не мог не проявиться в творчестве Леонтьева, и следует хотя бы кратко сказать об образах немцев в его художественной прозе и мемуарно-автобиографических произведениях.

Начало было положено еще в 1851 году повестью «Немцы». «Я тогда немцев [так] очень любил...»; «Я отдыхал на их честном спокойствии» [Леонтьев, 2000–2021, т. 6, кн. 1, с. 45–46], — объяснял Леонтьев свой выбор темы. Название не было пропущено цензурой и было заменено на «Благодарность», и даже сама эта, совершенно невинная, повесть не была сначала допущена к печати и была опубликована лишь через три года не в том издании, для которого предназначалась. Прототипы двух героев-соперников, Ангста и Лилиенфельда, — калужский учитель Леонтьева Шрейбер и сменивший его новоиспеченный выпускник Дерптского университета. Предмет их соперничества, Доротея, — немка по матери.

Главный герой повести «Второй брак» (1859) — молодой москвич, композитор Герсфельд, романтический персонаж лермонтовского склада, которому явно симпатизирует автор. Но были и другие случаи: в повести «Исповедь мужа» (1864, опубликована в 1867) есть закадровый отрицательный персонаж — управляющий богатым имением Зильхмиллер, женатый на англичанке и несправедливый к крестьянам. А до этого в рассказе «Сутки в ауле Бюк-Дорте» (1857) в качестве образчика пошлости мельком упоминаются четыре дочери Христиана Христиановича Крэгенауге — Элие, Эсперанс, Китти и Шушу [там же, т. 1, с. 256–257].

Страстный русофил и ненавистник новой Европы («особенно французов не любит» [там же, т. 3, с. 28], как сам Леонтьев) секретарь русского консульства Розенцвейг, зовущий себя Разноцветовым, — одно из действующих лиц в повести «Хризо». В pendant к этому в очерке «С Дуная» (1867) на пароходе в русской компании присутствует немец «из Балтийских», сочувствующий славянофильству и не возражающий, чтобы его фамилию переделали на -ов [там же, т. 7, кн. 1, с. 52]. Позднее, в «Египетском голубе», появится контрастный этим двум завзятым русофилам образ ироничного секретаря посольства Блуменфельда (один из его прототипов — Сергей Карлович Мюльфельд; 1836–1889¹¹).

Отражены в беллетристике Леонтьева и типичные подтрунивания русских над немцами. К примеру, в романе «От осени до осени» (единственном сохранившемся от сожженной эпопеи «Река времен»¹²) героиня рассказывает,

¹¹ См. о нем коммент.: [Леонтьев, 2000–2021, т. 11, кн. 1, с. 639–640].

¹² Кстати, важная роль в одной из частей этого цикла была отведена немцу — гусарскому полковнику Вейслингену [см.: там же, т. 11, кн. 1, с. 254].

смеясь, как венчались «старый учитель немец с старой гувернанткой» и пастор обращался к ним: «Schoene und liebe Kinder!» [там же, т. 5, с. 13]. Главная героиня романа «Две избранницы» Соня шутит, что у каждого немца три имени: «Ведь вы знаете — всякий немец в молодости, говорят, Иван Иванович, в средних летах — Карл, а в преклонных <...> он делается Адам» [там же, с. 125], а на вопрос: «А вы немцев за что не любите?» — «вместо дельного ответа» объясняет: «Да они все колбасы делают. Колбасники!» [там же, с. 126].

В цикле «восточных повестей» Леонтьева, отразившем реальные события рубежа 1860-х — 1870-х годов, не остались незамеченными надежды греков Турецкой империи на союз двух государств: «Разница между *Пруссия и Россия* одна буква *П*» [там же, т. 3, с. 226] («Аспазия Ламприди», 1871).

Внимательное чтение показывает, что Леонтьев четко различает швабов и пруссаков, по-своему симпатизируя и тем и другим (ср. со словами Владимира Ладнева (рассказчика) в «Египетском голубе»: «Я люблю ваших [австрийских. — О. Ф.] молодцов в белых мундирах, и хотя вы нам соперники в политике <...>, но какое-то живое чувство заставляет меня всегда жалеть, когда их побеждают или убивают. Еще прусский юнкертум может мне внушать то же чувство <...>. Слышится что-то содержательное, крепкое, глубокое, не до конца еще исчерпанное...» [там же, т. 5, с. 311]). Но так случилось, что среди фигурирующих в «восточных» романах Леонтьева мы находим исключительно швабов. Объяснение этому простое: все эти произведения имеют автобиографическую основу или реальный подтекст, а в тех городах, где Леонтьев служил, не было прусских (затем германских) консульств.

В романе «Одиссей Полихрониадес» среди прочих представителей консульского корпуса действует «толстый, добрый» [там же, т. 4, с. 99] австрийский консул Ашенбреннер. Баварец на австрийской службе — Öстеррейхер (то есть буквально «Австриец») — колоритный персонаж «Египетского голубя», прототипом которого был консул Камерлохер, между прочим, уже после выхода консула Леонтьева в отставку пытавшийся переманить его на службу Австро-Венгрии¹³. Герой романа (как и его прототип) — суровый, но веселый, общительный, любезный, начитанный, добрый малый¹⁴. «Родом баварец <...>, пруссак по общегерманским сочувствиям, смолоду он был революционером,

¹³ «Не знаю, писал ли я вам, Камерлохер предлагал мне очень настойчиво поступить через Андраши на Австрийскую службу? — Разумеется, я смеялся и отказался. — Он думал, видимо, что со мной были у нас *несправедливы*. — Я доказывал, что это ошибка; но он не верил» [там же, т. 11, кн. 1, с. 434] (К. А. Губастову, от 15 апреля 1875 года).

¹⁴ Отмечено и плохое качество консула: он груб с женой (зовет ее «Schlechte Kuh»), что не мешает этому герою нравиться повествователю «своею удивительною оригинальностью» [там же, т. 5, с. 305].

социалистом...», «умный, энергичный чудак» [там же, т. 5, с. 306, 308], который всегда проповедовал о германском завоевательном и устрояющем гении [там же, с. 321] и его роли на Востоке. «Я очень любил его патриотическое хвастовство...»; это был «сын действительно великой германской цивилизации, которой и мы, русские, очень многим обязаны» [там же, с. 307, 313].

В период перед Франко-прусской войной и во время ее Леонтьев открыто сочувствовал германской стороне и даже держал пари на победу немцев. Хотя до этого, может быть, так же как протагонист «Египетского голубя», смеялся над французской сатирой о пуговице, пропавшей с мундира немецкого солдата [там же, с. 386–387]. Важна в том же романе реплика, сказанная после просмотра карикатур на прусских офицеров и генералов во французском иллюстрированном журнале: «Как бы господам французам не пришлось горько каяться в этих насмешках!.. История любит новое. И я, признаюсь, очень был бы рад, если б этой передовой нации дали добрый урок» [там же, с. 385]¹⁵.

Интерес Леонтьева к Германии, немецкой литературе и к самому национальному характеру немцев носил устойчивый характер на протяжении всей его жизни. В католических землях Германии и, с другой стороны, в прусском юнкерстве Леонтьев находил остатки любимой им *старой* Европы. Политические пророчества Леонтьева о государственном будущем Германии (как и Европы в целом) и о русско-германских отношениях представляют сегодня большой интерес. Его прогнозы и диагнозы менялись¹⁶, и применительно к последним годам жизни мыслителя его «германофильство» все меньше относилось к современной Германии. Своему близкому другу дипломату Губастову он писал 3 августа 1890 года:

«Преобладала Франция террора, Консульства, и I-й Империи: она несла на знаменах своих идею разрушительную; но общую и великую; — что несет на Знамени своем преобладающая Германия конца XIX века<?> — Ничего — своего; ничего — нового. — Преобладание для преобладания. И только. — И как мы ни плохи, а все-таки ясно — что у нас еще есть какое-то не вполне выяснившееся великое призвание; а у Германии — нет его» [там же, т. 12, кн. 2, с. 494].

¹⁵ Ср. в рассказе «Поединок» (1885): «...молодцы Фридрихи-Карлы, фон-Штейнмецы и фон-Мантейфели проучили надолго (Бог даст навсегда) на полях Вейссенбурга, Вёрта и Седана *передовую* нацию Запада» [там же, т. 6, кн. 1, с. 529].

¹⁶ В одном из писем к А. А. Фету (1891) Леонтьев признавался даже в своей политической ошибке, в том, что он, рассчитывая на прочность русско-германских отношений, считал союз с Францией невозможным: «...начинаю верить, что в неизбежной войне за последние расчеты века — мы будем заодно с г. Карно и К°. Не особенно это красиво и приятно; — но видно иначе *нельзя!!*» [там же, т. 12, кн. 3, с. 153].

Список источников

Архив К. Н. Леонтьева. Кн. I: Константин Леонтьев: семейный архив: Документальные повести, воспоминания и дневниковые записи Ф. П. Леонтьевой. Письма / сост., вступ. ст., коммент. О. Л. Фетисенко; подгот. текста и коммент. Е. М. Варенцовой, О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020. 652 с.

Дневник А. Е. Карабановой (1819–1827) / подгот. текста, предисл. и примеч. О. Л. Фетисенко. М.: Российский Фонд Культуры, 2020. 696 с.

Кантор В. К. К. Леонтьев: Христианство без надежды, или Трагическое чувство бытия // *Вопр. литературы*. 2011. № 4. С. 341–397.

Котельников В. А. Константин Леонтьев. СПб.: Наука, 2017. 288 с. (Сер. «Мыслители прошлого»).

Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. [19 кн.] / подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.

Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.

Фетисенко О. Л. Из босфорского table-talk 1874 года (М. А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии) // *Русская литература*. 2016. № 1. С. 80–89.

Фетисенко О. Л. «Философия пессимизма» Эдуарда фон Гартмана в осмыслении К. Н. Леонтьева и его окружения // *Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки: Материалы IX междунар. науч.-богосл. конф. Сб. докладов*. СПб.: Изд-во СПбДА, 2018. С. 273–276.

Хатунцев С. В. К. Н. Леонтьев о Германии и ее правителях // *Вестн. Московского ун-та. Сер. 8: История*. 2014. № 4. С. 67–82.

References

Fetisenko, O.L. (2012) “*Geptastilisty*”: *Konstantin Leont’ev, ego sobesedniki i uchениki* [“*Heptastylists*”: *Konstantin Leont’ev, his interlocutors and disciples*]. St. Petersburg: Publishing house “Pushkinsky Dom”.

Fetisenko, O.L. (2016) ‘*Iz bosforskogo table-talk 1874 goda (M.A. Khitrovo i yego neizdannaya epigramma na prozelita transzental’noi filosofii)*’ [‘From the Bosphorus table-talk of 1874 (M.A. Khitrovo and his unpublished epigram on the proselyte of transcendental philosophy)’], *Russkaya Literatura*, 2016, 1, pp. 80–89.

Fetisenko, O.L. (2018) “‘*Filosofiya pessimizma*’ Eduarda fon Hartmanna v osmyslenii K.N. Leont’eva i yego okruzheniya’ [“‘*Philosophy of pessimism*’ by Eduard von Hartmann as understood by K.N. Leontiev and his entourage’], in *Topical issues*

of modern theology and church science. Collection of reports. St. Petersburg: St. Petersburg Theological Academy, pp. 273–276.

Fetisenko, O.L. (ed.) (2020) *Arkhiv K.N. Leont'eva. Kniga 1: Konstantin Leont'ev: semejniy arkhiv* [*K.N. Leont'ev's Archive. Vol. 1: Konstantin Leont'ev: family archive*]. St. Petersburg: Publishing house "Pushkinsky Dom".

Fetisenko, O.L. (ed.) (2020) *Dnevnik A.E. Karabanovoj (1819–1827)* [*The Diary of A.E. Karabanova (1819–1827)*]. Moscow: Russian Cultural Foundation.

Kantor, V.K. (2011) 'K. Leont'ev: Khristianstvo bez nadezhdy, ili Tragicheskoye chuvstvo bytiya' ['Christianity Without Hope, or The Tragic Sense of Being'], in *Voprosy Literaturny*, 2011, 4, pp. 341–397.

Khatuntsev, S.V. (2014) 'K.N. Leont'ev o Germanii i yeye pravatelyakh' ['K.N. Leont'ev about German and its rulers'], in *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, 2014, 4, pp. 67–82.

Kotel'nikov, V.A. (2017) *Konstantin Leont'ev*. St. Petersburg: Nauka.

Leont'ev, K.N. (2000–2021) *Polnoye sobraniye sochinenij i pisem v 12 tomakh* [*Complete Works and Letters in 12 vols*]. Edited by V.A. Kotel'nikov and O.L. Fetisenko. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

Информация об авторе: О. Л. Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

Information about the author: O. L. Fetisenko — D.Sc. in Philology, Leading Research Fellow at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. Address: 4 Makarova st., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.11.2021;
одобрена после рецензирования 30.11.2021;
принята к публикации 03.12.2021.

The article was submitted 21.11.2021;
approved after reviewing 30.11.2021;
accepted for publication 03.12.2021.